

АЛЬФРЕД
ХАТТОН

МЕЧ СКВОЗЬ СТОЛЕТΙΑ

ИСКУССТВО ВЛАДЕНИЯ

ОРУЖИЕМ

Альфред Хаттон
Меч сквозь столетия.
Искусство владения оружием

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614125
Меч сквозь столетия. Искусство владения оружием:
ISBN 978-5-9524-5570-2*

Аннотация

Автор повествует об истории фехтования и развития клинкового оружия, охватывая период от Средневековья до XIX века. Вы узнаете о двуручном мече, рапире, кинжале, сабле, палаше и дуэльной шпаге. Книгу дополняют фрагменты древних манускриптов.

Содержание

Введение	5
Предисловие	10
Книга первая	21
Глава 1	24
Глава 2	35
Глава 3	43
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Альфред Хаттон
Меч сквозь
столетия. Искусство
владения оружием

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2021

Введение

Неудивительно, что поклонники искусства фехтования, которым имя Альфреда Хаттона было знакомо задолго до того, как стало широко известным, были уверены, что этот специалист уже исчерпал себя как автор в серии предыдущих своих трудов по искусству владения холодным оружием в различные эпохи – какой бы неистощимой ни казалась его способность открывать новые грани восхитительного предмета своего исследования. Однако разочаровавшимся теперь придется признать, что новая книга, которую они держат в руках, хоть и не претендует на то, чтобы служить учебником по технике владения оружием, тем не менее является крайне поучительной.

Как видно из заголовка, автор предлагает нашему вниманию рассказ о развитии клинкового оружия и способов его использования, отслеживая все изменения и этапы его развития – от древнейших разновидностей до полного совершенства современной ему формы.

Многие, наверное, скажут, что ничего нового в этой книге нет и что историями поединков и дуэлей уже и без того насыщены книги таких авторов, как Оливье де ла Марш, Эмбри, Фожеру де Кампиньель, Кустар де Масси, Миллинген, Сабин, Штайнметц и др.

В этом утверждении есть доля правды, однако в данном

случае подход автора к предмету исследования принципиально отличается от работ вышеперечисленных господ. Он не пытается выстроить хронологическую историю дуэлей или написать эссе о развитии меча и традиций обращения с ним. Цель капитана Хаттона с самого начала заключалась в том, чтобы проследить ход постепенных изменений как в самом оружии, так и в его «спутниках» – будь то щит, кинжал или плащ, – приводя в то же время увлекательные примеры использования оружия в реальных схватках в различные периоды, абсолютно не вдаваясь при этом в технические подробности. В этих вставках и заключается основное очарование книги, поскольку все истории без исключения – реальные события, по большей части изложенные либо со слов очевидцев, либо от их собственного лица.

Автор поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу – найти пример применения каждой из разновидностей холодного оружия, что особенно трудно было осуществить для самых ранних из рассмотренных: копья, топора, меча, эстока¹, двуручного меча или меча-бастарда. Тот факт, что этот замысел с успехом удался, показывает, насколько глубоко автор изучил старинные манускрипты, что само по себе крайне интересно и полезно для любого историка.

Кроме самих описаний поединков и обстоятельств, по-

¹ Эсток – узкий тяжелый меч, предназначенный для колющих ударов, которыми легче, чем рубящими, пробивались тяжелые пластинчатые доспехи. Пик популярности этого оружия пришелся на XV век. (Примеч. пер.)

служивших поводом для них, в книге разъясняются различные моменты этикета, характерные для социальных условий жизни персонажей книги. Бытовавшие в прошлом обычаи и манеры поведения, казалось бы, – тема далекая от предмета данной книги, но их влияние на происходившие события было столь велико, что игнорировать их было бы невозможно. Осведомленность же автора в этой области не может не изумлять.

Начиная с эпохи рыцарства, когда основное вооружение составляли копье, топор и меч, а амуницию – щит и доспехи, автор приводит интереснейшие истории как о *combats de courtoisie*², так и о *combats à outrance*³, с примерами использования самых разных видов оружия.

В главе «Древний обычай проведения поединков перед лицом короля» (имеются в виду судебные поединки) дословно воспроизводится древний манускрипт, где со всей тщательностью приводится подробное описание церемоний, соблюдаемых в подобных случаях благородными противниками. Стремясь показать, что судебные поединки не были исключительной прерогативой знати, автор рассказывает и о сражениях на дубинах со щитами, практиковавшихся среди представителей «неблагородных» слоев общества, и приводит, что особенно интересно, репродукцию 1710 года, на которой указывается, что «простолюдинам допустимо сражать-

² Джентльменские бои (фр.). (Примеч. пер.)

³ Беспощадные бои (фр.). (Примеч. пер.)

ся следующим образом...».

В главе о двуручном мече дословно приводится один из старейших сохранившихся трактатов о фехтовании – «Использование двуручного меча».

Описание Хаттоном эпохи рыцарства заканчивается рассказом о церемонии разжалования малодушных представителей знати и рыцарства.

Переходя к эпохе рапиры и сопутствующего ей вооружения, автор знакомит нас с самой красивой и вместе с тем самой смертоносной системой фехтования. Приводятся многочисленные примеры вероломных уловок, к которым зачастую прибегали в ту эпоху для победы в поединке, – уловок как заранее запланированных, так и случайных. Но, как показывает капитан Хаттон, иногда им сопутствовали поистине великодушные поступки противников, еще раз доказывающие, что дух рыцарства не угас с уходом рыцарского века.

И вновь бесконечные, должно быть, усилия автора в поисках примеров применения всех видов оружия, популярных в эпоху рапиры, – рапир, кинжалов, маленьких круглых щитов-баклеров, огромных боевых рукавиц, а позже, в переходный период, – фламбергов и первых малых шпаг – увенчались в итоге успехом.

Раздел об эпохе малой шпаги содержит рассказы о трех величайших мастерах этого оружия – Сен-Жорже, Эоне де Бомоне и великом Анджело, – а также много других инте-

ресных материалов.

Следующий раздел представляет собой рассказ о соискательских состязаниях и призовых соревнованиях, о которых широкому читателю мало что известно. Особенно нова и интересна эта часть его работы для любителей холодного оружия. Его исследование глубоко и точно, что видно хотя бы по репродукциям множества древних документов, касающихся обычаев при поединке соискателей званий и призовых бойцов. Как справедливо отмечает сам автор, следует четко разделять эти два класса людей: боец-соискатель – это мужчина, чьи действия оцениваются авторитетным жюри, а призовой боец – это человек любого пола, сражающийся на публике за деньги.

Появление палаша постепенно приводит нас к XIX веку, где описываются дуэльная шпага и сабля, а завершает книгу описание сейчас уже устаревших видов британского спорта – палочных боев, спортивного фехтования и фехтования на деревянных рапирах.

Капитана Хаттона следует от всей души поблагодарить за создание этой интереснейшей книги, которой я желаю всяческого успеха и признания у современного читателя.

Сайрил Г.Р. Мэттью

Предисловие

Холодное оружие, особенно мечи, которые использовали в сражениях в давно минувшие века, теперь можно увидеть лишь в музеях, да и там на них едва бросают взгляд как на причудливую древнюю вещицу и не задерживаясь переходят к восхищению выцветшим гобеленом или любопытной штучкой из финифти.

Но лет десять назад несколько членов Лондонской стрелковой бригады принялись, под руководством одного энтузиаста-исследователя древних видов оружия и способов его применения, за изучение древних методик работы мечами, обнаруженных в старых итальянских и французских – а порой и английских – книгах. Самыми заметными среди них были: капитан Сайрил Мэттью (в ту пору – младший полковой офицер, впоследствии завоевавший авторитет в мире литературы своим восхитительным воспроизведением «Трудов Джорджа Сильвера»), капитаны Стенсон Куки и Ф.Х. Уиттоу, мистер Е.Д. Джонсон и мистер У.П. Гейт – большинство из них ныне носят высокие офицерские звания, но на момент начала своих исторических изысканий это были подростки, им всем не было и двадцати. Однако это обстоятельство не помешало им достичь такого уровня владения двуручным мечом, рапирой и всем прочим, чтобы можно было ездить по школам и восхищать мальчишек показательны-

ми боями на исторических видах оружия, поясняя увиденное в ходе своих же коротких лекций. Особенно значительное впечатление произвело их представление в Бредфильдском колледже, где на следующий год сценические бои демонстрировали уже сами учащиеся в школьном амфитеатре – в основном на шекспировском драматическом материале, вплетая поединки на оружии елизаветинской эпохи в классическое действие и диалоги.

Слава фехтовальщиков из Лондонской стрелковой бригады проникла за рубеж, и в 1894 году вся команда получила приглашение от брюссельского Cercle d'Escrime⁴ поучаствовать в грандиозном представлении в Театре де ля Моне – сыграть главные бойцовские роли в действе под названием «L'Escrime à travers les Ages»⁵, состоявшем из десяти боев в антураже различных периодов эволюции холодного оружия. Для поднятия интереса публики к каждому эпизоду была написана небольшая пьеска, главной из которых стал combat aux armes courtoises⁶ между Жаком де Лаленом и Томасом Ке, о которых позже вы прочитаете подробнее. Сцена была роскошно оформлена: знаменитый древний союз фехтовальщиков – гентское Братство святого Михаила – одолжило свой стяг для украшения шатра своего «доброго рыцаря». На сцене находилось сотни две человек. Состоялся жестокий

⁴ Круг фехтовальщиков (фр.). (Примеч. пер.)

⁵ «Меч сквозь столетия» (фр.). (Примеч. пер.)

⁶ Бой на джентльменском оружии (фр.). (Примеч. пер.)

бой на двуручных мечах и еще один, красиво вплетенный в пьеску, на менее известных «близнецовых рапирах» – ночной бой эпохи Людовика XIII между двумя господами, вооруженными рапирой и плащом. Сюжет таков: группа друзей не нашла лучшего способа развлечься, чем посмеяться над приказом о запрете дуэлей, выпущенным этим не самым блестящим монархом. Но они забыли при этом о главе церкви! Друзья бросили жребий, кому предстоит драться: вытянувшие его были столь горды, что у них хватило наглости взяться за дело прямо под фонарем, на котором висел запрещающий дуэли указ кардинала Ришелье. Они искусно сражались, и ни один из них не получил ранения к тому моменту, как на сцене появилась городская стража. Стражники мгновенно арестовали драчунов и препроводили их в тюрьму. Остальное осталось «за кадром» – ведь нравы ужасного Ришелье были хорошо известны! А завершилось представление сражением трех миньонов, великолепных питомцев Генриха III, с троицей столь же изысканных бойцов из партии герцога Гиза, известного как «Меченый», из которых лишь двое остались в живых.

Но наша английская публика мало видела подобных поединков, хотя они украсили бы любую костюмированную пьесу, где по ходу действия положено сражение. Редким примером такого рода послужила сцена, где мисс Эсме Берингер в роли Ромео (сыграв его именно таким, каким задумал Шекспир – молоденьким мальчиком, а не джентльменом на

пятом десятке), умело обращаясь со своей длинной рапирой и кинжалом, отправила Тибальта к праотцам с помощью *passata sotto*⁷! Столь же грациозно она провела молниеносный бой с Парисом в склепе, убив его в честном поединке (а не зарезав ножом, как мы часто видели в других постановках), не дав ему ни единого шанса даже попросить пощады! Год или два спустя мистер Три с друзьями продемонстрировали, что могли вытворять мушкетеры с рапирами, плащами и кинжалами, показав на сцене Квадрата практически все приемы из арсенала Капо Ферро и Альфиери.

Изучая различные системы ближнего боя, нет смысла обращаться к совсем уж седой древности и истории несуществующих цивилизаций. Доспехи, щиты, мечи и копья, которыми сражались ассирийцы, египтяне, греки и римляне, имели некоторые различия, но способ их использования оставался практически неизменным вплоть до Средних веков. Так что в качестве отправной точки нам следует взять не ранее чем XV век, начиная с которого мы насчитываем не менее пяти различных периодов, каждый из которых характеризуется преобладанием характерного типа холодного оружия и наличием неких интересных сражений.

Мы не собираемся утомлять читателя техническими подробностями или сухими лекциями по историческому фехтованию хотя бы потому, что это уже сделано до нас и, вздумай мы заняться тем же, мы поневоле превратились бы в

⁷ Проход снизу (ит.). (Примеч. пер.)

плагиаторов, а судьба уличенного в плагиаторстве плачевна. Укради он лишь заголовок – и указующий перст покроет его позором, а если он позволит себе чересчур увлечься цитированием, то тут уже пахнет преследованием со стороны закона. Нет, плагиатом мы заниматься не будем! Мы покажем, какое оружие использовали в древности; представим джентльменские поединки закованных в броню рыцарей XV века, которые вели жестокие поединки в честь прекрасных дам; предоставим возможность лицезреть смертный бой за рыцарскую честь и ужасные, отвратительные судебные поединки простолюдинов, в ходе которых, как считалось, сам Господь помогал невинному победить, а всему миру – узреть, кто прав. В этом нам поможет бессмертный Шекспир. Мы вернемся во времена длинной испано-итальянской рапиры; увидим, как честные рыцарские поединки на турнирной арене сменились кровавыми тайными стычками на удаленных полях или в укромных рожицах, в которых победа столь часто доставалась путем мошенничества и обмана! Нечестные способы получения преимущества превращали поединок в грязное убийство. Впрочем, такие поступки практиковались в то время широко и не особенно осуждались; так, обаятельный старый сплетник Брантом доходит даже до того, что оправдывает некоторых убийц, чьи деяния только что сам описал, под тем предлогом, что такой-то и такой-то джентльмен, хорошо знакомый ему лично, вряд ли мог на самом деле совершить подобное злодейство. Мы рас-

скажем об одном деятеле, который явился на дуэль в кольчуге под камзолом, и о другом, который, хорошо зная благородство и честность своего противника, рассчитывал, что тот прибудет один, а сам появился на месте с группой друзей, которые все скопом набросились на одиночку и быстро порешили его. А ведь это были «джентльмены» времен Генриха Великого! Поэтому ради самосохранения каждому из дуэлянтов было необходимо привести с собой друга или пару друзей, а иногда и больше. Вскоре вошло в обычай, что все эти друзья тоже вступали в драку: первые – потому, что для того сюда и пришли, вторые – по собственному выбору, третьи – потому, что надо же как-то согреться в такое чертовски холодное утро, а четвертые – убоявшись того, что скажут люди, если все будут драться, а они – стоять и смотреть. Неудивительно, что за время правления только этого короля в подобного рода частных стычках полегло не менее четырех тысяч знатных французов.

Затем мы перейдем к добрым старым временам мушкетеров, о деяниях которых нам недавно так живо повествовал мистер Три. Представьте: четверка подобных джентльменов собирается на встречу с другой четверкой (напомним, из восьми вообще какой-либо конфликт был только у двоих!), и вдруг один из первой четверки не может появиться – скажем, разболелся живот, – то есть из четверых бойцов в строю остаются трое. Так, втроем, они идут к условленному месту, и навстречу им попадается некий абсолютно посто-

ронный джентльмен, спешащий по своим делам. Они приветствуют его, сняв свои широкополые шляпы, и один из них говорит:

– Господин хороший, видите ли, мы попали в затруднительное положение: их четверо, а вот нас внезапно стало трое. Расклад не в нашу пользу. Не могли бы вы помочь нам?

По обычаям того времени незнакомец, широко взмахнув своей шляпой с роскошными перьями, отвечал:

– Господа, я вам крайне признателен. Вы оказываете мне честь, которой я едва ли достоин. Я и моя шпага полностью в вашем распоряжении.

И он отправлялся вместе с троицей и яростно дрался с человеком, которого раньше никогда не видел и о котором ничего не слышал. Если в итоге этот незнакомец возвращался домой целым, то значит, ему в тот день крупно повезло.

Но когда Людовик XIV, любивший, чтобы его именовали «Le Roi Soleil» – «король-солнце», избавился от Мазарини и решил сам стать вести дела премьер-министра, он определенно решил покончить с дуэлями. Королю они очень не нравились – не то чтобы он что-то в принципе имел против того, чтобы его подданные убивали друг друга, но он предпочел бы, чтобы они погибали по королевской воле, а не по собственному усмотрению. Властный монарх быстро положил конец стычкам друзей виновников дуэли, да, собственно, стычкам и самих дуэлянтов тоже – для этого пришлось всего лишь повесить нескольких застигнутых за этим делом.

За период правления великого Людовика форма шпаги законодателей мод претерпела радикальные и довольно неожиданные перемены. Большая красивая рапира, вроде тех, какими орудовали миньоны или мушкетеры, уступила место оружию, которое известно нам, современным людям, как «малая» шпага. Задача сотворить для нее клинок, удовлетворительный во всех отношениях, оказалась для оружейников нелегкой, и у них ушло лет сто на достижение этак к 1770 году совершенства в виде легкого, элегантного, злого маленького трехгранного шила. В своем раннем виде лезвие малой шпаги было плоским и обоюдоострым – уменьшенным вариантом лезвия рапиры⁸. Но в таком варианте оно становилось слишком гибким, когда же его утолщали и делали четырехгранным, оружие становилось неуклюжим и разбалансированным, а владелец его вскоре утомлялся до такой степени, что шпагу приходилось держать двумя руками. Несколько мастеров того периода даже обучали своих учеников тому, как лучше это делать, – до нас дошли некоторые из подобных трактатов.

Конечно же изменения в облике оружия не могли не по-

⁸ Здесь и далее термин «рапира» употребляется автором несколько в ином значении, чем его понимают современные специалисты. В современной терминологии словом «рапира» обозначается оружие исключительно колющее, в отличие от «шпаги», которая является колюще-рубящим оружием; однако во времена, когда писалась данная книга, эта терминология еще не была сложившейся, поэтому автор использует слово «рапира» для обозначения оружия как колющего, так и рубящего, например оружия мушкетеров. (Примеч. пер.)

влекь за собой перемен в способе его применения. Мастера шпаги быстро разработали систему, ставшую предшественницей современного фехтования. Но задачей этих мастеров было научить своих учеников драться, а не просто красиво переигрывать друг друга по академическим правилам, поэтому в их системе сохранилось много принципов «старого» фехтования, в частности парирование выпада левой рукой или использование захвата за шпагу или тело противника. С тех пор набор оружия, которым следовало уметь пользоваться, сильно сократился. Длинная рапира, меч-бастард, «близнецовые рапиры» и двуручный меч навсегда переселились на стены наследных замков и под стекло музейных витрин. Кинжал остался лишь в пользовании солдата, да и то прикрепленным к стволу мушкета, переродившись в штык. Меч остался на действительной службе в двух вариантах: в виде палаша – у военных и соискателей званий фехтовальщиков – и в виде малой шпаги у гражданских.

Теперь мы подходим к веку восемнадцатому. «Великий Монарх» состарился и ударился в религию, однако с помощью жесткой дисциплины он полностью искоренил дурной обычай драк между секундантами, да и для самих дуэлянтов стало опасным улаживать свои разногласия излюбленным методом, так что во Франции, бывшей некогда самой благодатной дуэльной площадкой, подобные поединки стали крайне редки, а когда все же имели место, то проводились в строгой тайне, и для того, чтобы понаблюдать за работой

шпаги, нам надо обратиться к Англии. В предыдущие два столетия здесь не наблюдалось такого оживленного стремления к частным поединкам, как на материке, поскольку еще при Елизавете убийство на дуэли каралось повешением. Но уже во времена первых Георгов джентльмены за обедом или ужином все чаще стали вести себя не мудро, но весело – и сыпались насмешки, вскипали обиды, клинки вылетали из ножен: быть беде!

Маленькая изящная шпага с посеребрянной рукоятью в XVIII веке была столь же неотъемлемым элементом одеяния джентльмена, как зонтик в плохую погоду – в веке двадцатом. Оружием граждан была малая шпага. Кроме гражданских, существовали военные, чье занятие – рубить и крушить врагов короля, что они и делали с помощью грозного колюще-рубящего оружия, врученного им государством. И наконец, упомянем фехтовальщиков – «гладиаторов», которые публично сражались на сцене исключительно за деньги. Им приходилось все время поддерживать свои навыки, и именно благодаря им в старой Англии сохранилось искусство владения палашом.

В XIX веке для того, чтобы лицезреть клинки в действии, нам опять придется переместиться во Францию. В Англии поединки с холодным оружием уступили место дуэлям пистолетным. Институт секундантов тоже выродился. Изначально целью их было достичь по возможности примирения спорщиков, но во времена поздних Георгов они вместо это-

го сплошь занимались подстрекательством и даже прямым подталкиванием молодых людей к тому, чтобы стреляться насмерть даже тогда, когда они толком и не ссорились-то. В общем, к тому времени дуэли в Англии уже, действительно, пора было бы запретить раз и навсегда.

Книга первая

Эпоха рыцарства

Бытует утверждение, что до XVI столетия, когда на сцене появилась рапира, фехтования, как такового, не существовало вообще, разве что среди представителей низших слоев, а сильные мира сего, благородные рыцари, презирали подобное занятие, полагаясь лишь на мощь своего оружия и на надежную броню доспехов, – так оно по большей части и было, особенно в конных сражениях, где бились в основном копьями. Но все же эти рыцари не пренебрегали таким видом амуниции, как щит, а любое целенаправленное парирование атаки тем или иным видом защиты следует все же считать частью фехтовального искусства, пусть и в зачаточном виде. А бердыш – двуручный боевой топор футов пяти длиной, который частенько использовали в качестве оружия пешего боя на турнирах и различных *pas d'armes*⁹, – явно предполагал некую систему навыков фехтовальной работы. Менее же зажиточным гражданам, которым рыцарская броня была не по карману, приходилось всячески совершен-

⁹ *Pas d'armes* – с французского приблизительно можно перевести как «ратный подвиг». Этим термином обозначалось занятие, которому предавались жаждущие побед и почестей рыцари в периоды, когда в округе не проводилось приличных турниров, объявляя «открытое первенство» по поединкам с ними лично. (Примеч. пер.)

ствовать личное мастерство. Их вооружение составляли чаще всего небольшой круглый щит и меч или дубинка, которая использовалась не только непосредственно на поле боя, но и при обучении владению мечом, как наша деревянная рапира. Кинжал или нож использовали все без исключения – и знать, и чернь, владению ими обучали специалисты.

Распространенными в тот период были: тяжелый двуручный меч, «полутораручный» меч-бастард – достаточно тяжелое оружие, с которым, тем не менее, все же можно было управляться одной рукой, но при этом имевшее достаточно длинную рукоять, чтобы левую руку можно было подключать для нанесения особо сокрушительного удара; обычный одноручный меч, сравнительно короткий и легкий и потому наиболее удобный для повседневного ношения. Все эти мечи были обоюдоострые, имели колющее острие и тяжелое навершие – круглый утяжелитель на конце рукояти, благодаря которому оружие становилось сбалансированным, а заодно и с успехом применимым как ударно-дробящее в ближнем бою. Помимо этих мечей, применялся также эсток с длинным жестким клинком, как правило острым лишь на конце, поскольку предназначался для пробивания латных пластин. Большая часть этих мечей, даже неуклюжий двуручный, относящихся изначально к XV веку, использовались и в дальнейшем. Так, например, Альфиери, итальянский мастер XVII века, посвятил последнему целый трактат.

Историк Оливье де ла Марш, чиновник при дворе Филипп-

па ле Бон, герцога Бургундского, оставил нам в своих мемуарах бесчисленное количество сведений, воспроизводящих с изумительной точностью детали поединков, свидетелем которых он был лично – как сражений насмерть, так и турнирных боев за рыцарскую честь, а также один случай судебных поединков, исход которых, как было принято считать, определял сам Господь, даруя победу правому.

Глава 1

Как лорд Тернан и испанский эсквайр¹⁰ Галиот де Балтасин бились пешими и конными за рыцарскую честь

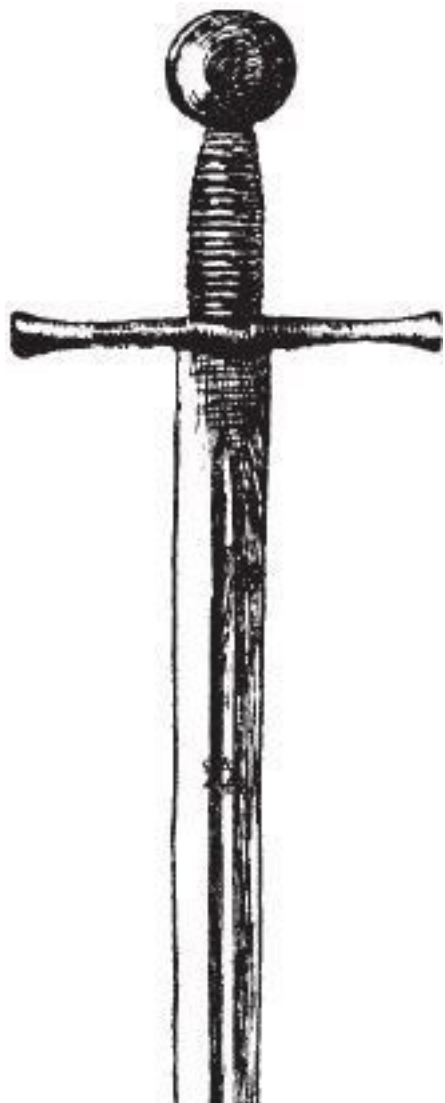
Благословенный 1445 год. Мы при дворе доброго герцога Филиппа Бургундского. В те дни в обычаях у рыцарей было отправляться в дальние страны на поиски приключений. Так и Галиот де Балтасин, благородный эсквайр из Кастилии, камергер Филиппа Мариа, герцога Миланского, испросив у своего повелителя разрешения, которое тот охотно дал, решил на какое-то время покинуть герцогство, чтобы посмотреть мир и при случае покрыть себя славой с помощью копья и меча. Он отправился в путь с соответствующей свитой, и вот мы видим его уже в городе Монс, в Эно, где случилось в тот момент быть всему бургундскому двору, так что возможность удовлетворить свои честолюбивые стремления рыцарю представилась отменная. Однако именно в это время между двумя герцогами сложились весьма теплые отношения, так что у Галиота имелся строгий приказ от своего по-

¹⁰ Здесь и далее сохранены титулы, принятые в англоязычной традиции. (Примеч. ред.)

велителя не поднимать руку на подданных герцога Филиппа, разве что по собственной инициативе кого-либо из последних, да и в этом случае – только с одобрения самого доброго герцога. Следует отметить, что поединки как с целью смывания кровью некоей смертельной обиды, так и просто для поднятия своего рыцарского авторитета разрешались только с позволения монарха или иного лица, обладавшего достаточными полномочиями. Когда же такое позволение выдавалось, то поединок оформлялся по всем турнирным правилам, со всем тщанием, которого требовал статус бойцов. Так, обязательным элементом турнира была арена с входами с двух противоположных сторон, обнесенная оградой из двух уровней перил; для боев верхом ее размер составлял около шестидесяти шагов в длину и сорока в ширину.

Галиот, памятуя о полученных указаниях и опасаясь, что в Эно ему не найти никого, кто был бы готов оказать ему желаемую услугу, принимает решение отправиться за море, в Англию, где подобных проблем перед ним стоять уже не будет. Его представляют доброму герцогу, и тот видит перед собой доблестного воина в начале расцвета сил, с красивым, честным лицом и высокой, грациозной фигурой, сильного, как бык, и гибкого, как пантера: он из знатного рода, знаменит. В общем, добрый герцог встречает такого человека со всем радушием и обеспечивает его подобающим жильем. Однако приказы миланского господина все же стесняют рыцаря. Об этом вскоре узнает знаменитый рыцарь ордена Золото-

го руна – Тер-нан, один из любимых воинов герцога. Увлекающийся турнирами Тернан крайне желает поспособствовать Галиоту в осуществлении его мечты. Заручившись позволением доброго герцога, он повязывает на левую руку знак своей возлюбленной – что само по себе является вызовом всем и каждому на бой в честь прекрасной дамы – и посылает старшего герольда своего ордена к Галиоту с учтивым извещением о том, что в данном случае вызов в виде повязки на руке адресуется непосредственно ему и что если Галиот пожелает коснуться этой повязки, то есть принять вызов, то сможет найти Тернана через час после полудня в большом зале замка, перед лицом его высочества герцога. После такого вызова принявшему его предстояло определить, насколько серьезным будет предстоящий бой; выразить свое решение ему предстояло в момент касания повязки. Галиот осведомляется у герольдов об обычаях, принятых в их стране, и Туазон д'Ор сообщает, что в намерения лорда Тернана входит лишь рыцарское состязание, но окончательное решение остается за вызванным – если он сорвет повязку или грубо схватится за нее, то биться придется насмерть, если же он коснется ее со всей учтивостью, то состоится поединок за рыцарскую славу в честь прекрасных дам.

Рыцарский меч

Заручившись разрешением доброго герцога, Галиот со всей учтивостью подходит к лорду Тернану и аккуратно касается рукой повязки, сказав при этом:

– Noble chevalier, je touche à vostre emprise, et au plaisir de Dieu vous fourniray et accompliray tout ce que je sçauray que desirez de faire, soit à pied, soit à cheval¹¹.

Лорд Тернан приветствует выбор гостя и изящно благодарит его, обещая должным образом проинформировать его об оружии, которое намеревается использовать, а именно: в пешем бою это будут копье, эсток и боевой топор, а в конном – копье и меч. Добрый герцог же в это время распоряжается, чтобы бой состоялся в городе Аррас в апреле 1446 года, дабы дать Галиоту время съездить обратно в Милан, собрать доспехи и подготовиться должным образом.

Настал долгожданный день. На рыночной площади подготовлена просторная арена, рядом с ней – большая крытая трибуна для доброго герцога и его двора. С одной стороны арены возведен шатер (мы сегодня назвали бы его раздевалкой) лорда Тернана – большой и пышный, из синего и черного дамаста, увенчанный гербом его владельца и обставленный множеством знамен и вымпелов. С другой стороны – не менее пышный шелковый шатер Галиота. Через час после

¹¹ Благородный рыцарь, я принимаю ваш вызов, так свершите же на радость Господу все, что возжелали, как пешим, так и конным (фр.). (Примеч. пер.)

полудня добрый герцог, в сопровождении сына, графа Шаролау, графа Эстампа и множества других знатных господ, восходит на трибуну, с белым судейским жезлом в руке, и садится на трон. Пропели рога, и на арену выходят восемь стражников, в доспехах с ног до головы, но в руках у них лишь белые жезлы: их задача – растаскивать бойцов в случае необходимости. Первым из рыцарей на арене появляется, как и положено бросившему вызов, лорд Тернан. Он верхом. Попона лошади рыцаря украшена его вышитым гербом, а сам он в плаще поверх доспехов. На голове лорда – шлем с поднятым забралом. Это темноволосый человек с густой черной бородой, весь его вид внушает уважение. Сопровождают его в качестве секундантов и советников лорд Божо и граф Сен-Пол. Он сходит с коня, кланяется доброму герцогу и проходит в свой шатер. Теперь на арену въезжает Галиот де Балтасин. Он тоже полностью облачен в доспехи. Галиот нарочито демонстрирует свое проворство, спрыгивая с коня так легко, как будто на нем не надето ничего тяжелее шелкового камзола. Он тоже кланяется герцогу и удаляется в свой шатер готовиться к поединку.

Турнир начинается с пешего боя. Вот закончились положенные ритуалы, и распорядитель турнира идет в шатер к Тернану за копьями, которые тот должен был приготовить для сражения. Два копья абсолютно одинаковы, и распорядитель несет их Галиоту на выбор. В три часа поет рог, и бойцы выходят из шатров, полностью облаченные в доспехи,

с опущенным забралом. Тернан медленно наступает, держа копьё обеими руками. Галиот работает в более оживленной манере – он держит оружие одной рукой, действует им играючи, как будто оно не тяжелее стрелы лучника; один-два раза он подпрыгивает в воздух, и видно, что броня ему не помеха. Бой начинается столь яростно, что Галиот ломает наконечник копья о нагрудную пластину панциря Тернана, а последний в свою очередь наносит такой удар в голову Галиота, что крепление забрала шлема не выдерживает и открывается. Подбегают стражники с белыми жезлами и заставляют бойцов разойтись на несколько шагов. Когда амуниция приведена в порядок, они вновь сходятся; процедура повторяется после того, как у копья Тернана отломался наконечник, а копьё Галиота переломилось пополам. Оговоренное количество ударов нанесено, и бойцы расходятся по шатрам – критерием для завершения каждого боя является обмен определенным количеством ударов.

И вот они снова сходятся, на этот раз – с длинными жесткими эстоками. Из другой истории мы узнаем, сколь ужасно это оружие в смертельном бою, но не будем забывать – наши бойцы сейчас сражаются лишь за рыцарскую честь (как мы иногда по-дружески фехтуем в зале).

Галиот снова первым выбирает себе оружие из предложенной пары, и бой начинается. Лорд Тернан, известный щеголь, сменил свою накидку, надетую поверх доспехов, на другую, с золотым шитьем. Прикрываясь круглым щитом,

он наступает и вновь наносит столь жестокий удар, что шлем его противника опять не выдерживает и открывается; но, когда они снова сходятся, Галиот протыкает наручь Тернана и срывает ее с руки – она остается нанизанной на меч. Мастера снова приводят доспехи в порядок. Сойдясь в третий раз, оба бойца ломают друг о друга наконечники клинков. Им приносят новые мечи. Теперь Тернан работает уже осторожнее, и ему удается нанести Галиоту поистине ошеломляющий удар; тот пошатнулся, но, оправившись, отвечает столь мощным колющим ударом в рукавицу противника, что она сгибается пополам, и зрителям кажется, что запястье рыцаря или сломано, или вывихнуто; к счастью, травма не серьезна. Бойцы расходятся по своим шатрам, и Тернан пользуется короткой передышкой для того, чтобы в очередной раз переодеться. Распорядитель турнира раздает сражающимся по боевому топору; это два одинаковых боевых топора около пяти футов длиной; острого наконечника на них нет, так как было заранее обговорено, что в этом бою предстоит обмен лишь рубящими ударами. Галиот свирепым натиском атакует противника, Тернан делает шаг назад и в тот момент, когда атакующий подается вперед, наносит ему мощный удар по затылку шлема. Галиот вновь пошатнулся, однако опять приходит в себя и осыпает Тернана таким градом ударов, что тому приходится отступить на четыре-пять больших шагов. За схваткой наблюдают очень внимательно, и, как только нанесено необходимое количество ударов, добрый герцог вы-

брасывает свой белый жезл, объявляя таким образом окончание поединка. Стражники разводят бойцов, те поднимают забрала и, не выпуская из рук топоров, предстают перед герцогом, который выражает похвалу их доблести и отправляет отдыхать.

Однако турнир на этом не окончен – ведь вскоре предстоят еще конные бои с копьём и мечом. Днём, подходящим для завершения состязания Галиота и Тернана, добрый герцог назначил понедельник, 2 мая 1446 года. Чуть позже полудня герцог и его придворные занимают свои места, восемь стражников выезжают на арену на лучших конях, какие только нашлись в герцогских конюшнях, и вновь у каждого в руке прочный белый жезл. Первым на арену выезжает Тернан в полном боевом облачении, естественно, что и он сам, и его конь с ног до головы в великолепных украшениях, в гриву и хвост последнего вплетены золотые нити. Тернан кланяется герцогу и занимает свое место на краю арены. Теперь появляется Галиот де Балтасин на мощном боевом коне, покрытом попоной из бычьей кожи. На наголовнике и нагрудном доспехе коня огромные стальные шипы. Распорядитель турнира, заметив шипы, указывает на них герцогу, который, на правах хозяина, посылает главного герольда к Галиоту с сообщением о том, что в герцогстве использование такого оружия недопустимо; Галиот приносит учтивые извинения, и вызвавшие протест шипы снимают с конского доспеха. Он салютует герцогу и занимает место напротив Тернана. Распо-

рядитель турнира берет предоставленные инициатором боя копьа и мечи и предлагает Галиоту на выбор. Выбор сделан, рога протрубили, бой начинается. Рыцари быстро сближаются, сжав в руках копьа. Меч Тернана висит в ножнах на поясе, как положено; но Галиот уже обнажил свой меч и держит его наготове в левой руке вместе с поводьями.

По тому, как они сближаются, видно, что Тернан намеревается поразить противника копьем, а крепко сидящий в седле Галиот явно рассчитывает на сшибку коней, в которой ему неплохо помогли бы те самые, вышеупомянутые шипы. Бойцы сталкиваются с ужасным грохотом, и конь Тернана отшатывается назад. К несчастью для Тернана, застежка ремня, на котором висел его меч, лопается от удара, и рукоять меча выскальзывает из ножен на круп коня. Нельзя, правда, сказать, что боец остается совсем уж безоружным, поскольку меч не выпал из ножен полностью, а ножны еще более-менее держатся на самом рыцаре; он пытается достать оружие, но не дотягивается. Воспользовавшись этим, Галиот обрушивает на соперника град ударов лезвием, острием и рукоятью меча. Тернан отбивается, как может, своей латной рукавицей, прищпоривает коня, заставив его подпрыгнуть, в результате чего меч Тернана выскальзывает из ножен и падает наземь. Вот теперь он совсем обезоружен, и приходит черед вмешаться стражникам. Они вручают рыцарю потерянный меч. Теперь Тернан переходит в наступление; он наносит два мощных удара по шлему противника, а затем прово-

дит колющий удар в суставное сочленение доспеха Галиота, но поддетая под панцирь кольчуга оказывается вполне надежной, и травмы удастся избежать. К этому моменту оговоренное число ударов оказывается уже нанесенным, и добрый герцог выбрасывает свой белый жезл, прекращая тем самым схватку.

Бойцов подводят перед очи правителя, он хвалит их за умение и храбрость, приказывает обняться и расстаться друзьями, завершив тем самым их поединок, прошедший столь яростно и завершившийся столь благородно, что заслужил внесения в древние хроники.

Глава 2

Как добрый рыцарь Жак де Лален и английский эсквайр Томас Ке сражались боевыми топорами

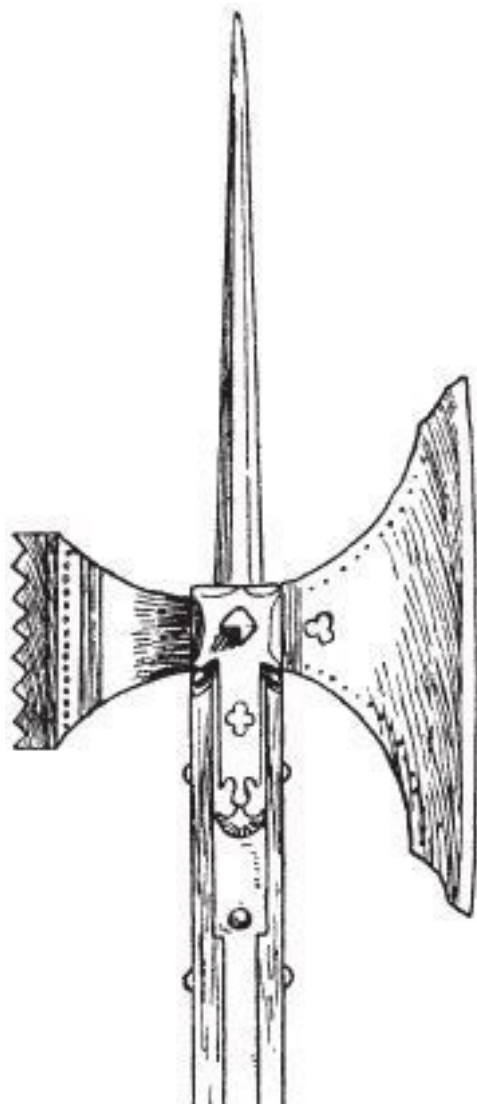
Изо всех придворных воинов герцога Филиппа Бургундского доблестью своей более всех известен был рыцарь Жак де Лален, чьи деяния подробно описал Джордж Кастеллан, главный герольд ордена Золотого руна. Он, как и Галиот де Балтасин, возжелал отправиться за пределы своей страны, чтобы там снискать себе славу. Получив на то позволение своего сеньора, он отправился в Шотландию в сопровождении своего дяди, мессира Симона де Лалена, лорда Монтиньи и бретанского эсквайра по имени Эвре де Мериаде. Король Яков II принял гостей с почестями. В их честь был организован турнир, где противником Лалена стал Джеймс Дуглас, а противником Симона – лорд Хаге; Мериаде тоже достался какой-то противник. Закончился бой, основным оружием в котором был боевой топор, в пользу Лалена и его соратников.

После этого они отправились в Лондон и явились ко двору. Восседавший на троне не самый блестящий монарх Генрих VI не только оказал гостям весьма прохладный прием, но и строго запретил кому-либо из своих подданных принимать

их вызов. Бургундцы, разочарованные таким обращением, решили как можно быстрее покинуть Англию, но почти у трапа корабля их нагнал молодой английский эсквайр Томас Ке, которого во время недолгого визита гостей не оказалось при дворе. Он выразил сожаление, что с таким благородным и знаменитым рыцарем, как шевалье де Лален, обошлись столь бесцеремонно, и пообещал в течение шести недель получить разрешение и самому приплыть на материк, чтобы принять их вызов, выразив при этом надежду, что бой будет происходить перед глазами и под личным руководством самого герцога Филиппа.

Ликование поднялось при дворе доброго герцога, а тем паче в душе храброго Лалена, когда от английского эсквайра пришла весть о скором прибытии с целью сразиться на тех условиях, которые предлагал мессир Жак, а именно: каждый будет в тех доспехах, к которым привык, биться соперники будут пешими, оружием станут секира и меч; бой будет продолжаться, пока один из соперников не упадет наземь.

Мессир де Лален тут же направился к своему сюзерену за герцогским разрешением на сей ратный подвиг; разрешение было милостиво дано, и по приказу герцога на рыночной площади Брюжа начали строить арену для турнира со всей роскошью, подобающей его участникам.

Секира Томаса Ке

Настал решающий день; старая рыночная площадь была расцветена вымпелами и знаменами, в окнах всех домов торчали разодетые зеваки. Посреди площади находилась сама арена – огороженное пространство для будущего боя, с двух противоположных сторон которого высились шатры участников. По периметру арены были выстроены крытые трибуны для особо привилегированных зрителей; в центре их помещался герцогский трон. Сам герцог появился в сопровождении блестящей свиты из знатных людей, благородных рыцарей и эсквайров со множеством прекрасных дам.

Мессир Жак, узнав о прибытии двора, тотчас же появился на арене в сопровождении двух своих дядюшек, лорда Креки и лорда Монтины (того самого Симона де Лалена, который сопровождал его в Шотландии) и множества друзей. Поклонившись герцогу, он вернулся в свой шатер. Затем на арене показался английский эсквайр в сопровождении двух рыцарей, которых герцог, по традиции, уполномочил выступать в роли его секундантов, а скорее, советников. Поприветствовав его высочество, англичанин удалился в свой шатер облачаться в доспехи.

Оружие Жака де Лалена

В подобных случаях было принято тщательно изучать оружие, с которым сражающиеся собираются выйти на бой; бердыш англичанина вызвал некоторый спор – его форма была несколько более опасной, чем было принято на подобных турнирах. Он имел широкое лезвие, с обратной стороны – тяжелый боевой молот, очень длинный шип в продолжение древка и острый стальной вток. Оружие Лалена представляло собой комбинацию молота, клевца в виде клюва сокола и короткого шипа в продолжение древка. Даже сам мессир Жак обратил внимание на неравенство оружия, но Томас Ке так настойчиво просил оставить ему этот топор, который, по его словам, он специально вез из Англии, что Лален, руководствуясь благородством и добрым характером, снял все возражения.

Завершились традиционные ритуалы открытия турнира, соперники вышли из своих шатров; из них более роскошным был шатер Лалена, украшенный тридцатью двумя знаменами и гербами всех родов, с которыми рыцарь находился в родстве. Туловище самого Лалена было полностью заковано в доспехи, но на голове у него был лишь небольшой саллад¹² без забрала и латного воротника, так что лицо и шея его были полностью открыты. Единственным оружием Лалена был

¹² Саллад – легкий шлем, прикрывавший только голову и верхнюю часть лица. (Примеч. пер.)

его боевой молот, который он держал близко к корпусу обеими руками за середину, готовый как атаковать, так и защищаться и тем и другим концом оружия. Томас Ке, напротив, вышел в прочном стальном шлеме с закрытым и хорошо закрепленным забралом, и по его манере держать оружие было видно, что он рассчитывает на сокрушительные удары боевой частью секиры. Вдобавок Ке был еще и опоясан мечом.

Бой начался. Мессир Жак наносит мощный укол наконечником своего топора в забрало шлема противника, но пробить его не удается; в ответ Ке обрушивает град ударов лезвием, молотом и шипом, откровенно целясь в незащищенное лицо Лалена. Однако мессир Жак – подвижный боец, он уворачивается и лавирует, и наконец свирепый натиск соперника ослабевает. Открытый ворот Лалена позволяет ему дышать свободно, и он получает некоторое преимущество перед противником, полузадохнувшимся в тяжелом шлеме с плотным забралом. Фламандец, используя свой шанс, наносит прямо по шлему Ке пошатнувший того удар и, не останавливаясь, проводит серию сокрушительных ударов, несомненно способных сломить более слабого соперника. Но Томас Ке – отважный рыцарь крепкого сложения, немало поглотивший доброго британского мяса и эля; натиск фламандца лишь заставляет его умерить пыл, и теперь он защищается более осмотрительно до тех пор, пока мессир Жак не попытается вновь пробить забрало втоком своего оружия. Ке парирует этот удар движением снизу вверх, и по случайности

сти длинный шип в продолжение древка его топора попадает Лалену в запястье в том месте, где на рукавице нет брони, и протыкает руку насквозь. Однако бой на этом не заканчивается, ведь ни один из противников еще не упал. Добрый рыцарь отдергивает раненую руку, из которой хлещет кровь, тщетно пытаясь схватить ею оружие. Он поднимает руку и трясет рукавицей в надежде хоть как-то унять кровотечение.

Тогда Лален зажимает боевую часть бердыша под мышкой левой руки и древком отбивается от удвоенного натиска английского эсквайра. И тут фортуна, наконец, улыбается ему: Ке замахивается двумя руками для нанесения сокрушительного удара, и Лалену удается поразить его в подмышку через щель в доспехах; ухватившись правой рукой за затылок англичанина, он дергает его вперед, тот теряет равновесие в своих тяжелых доспехах и с грохотом валится на землю, причем клювообразное забрало его шлема так глубоко втыкается в землю, что встать без посторонней помощи он уже не может. Добрый герцог Филипп присуждает Лалену победу, и на этом заканчивается одно из самых живописных сражений в истории боевого топора.

Глава 3

Как двое портных бились на смерть дубинами и щитами

Представление о храбром рыцарстве окончено, занавес опущен. Что ж, спешите к началу следующего действия! Это будет уже не ярко украшенная рыночная площадь старого Брюжа с выстроенными на ней крытыми трибунами, полными прекрасных дам и сопровождающих их рыцарей. Нет, мы перенесемся в привилегированный город Валансьен. Место, правда, тоже общественное, но вот происходящее столь мрачно и неприглядно, что женщинам и детям смотреть на это не стоит. Кто же главные действующие лица? Это не добрые рыцари сражаются за сердца своих прекрасных дам и собственную рыцарскую честь. Сегодня бойцами выступают люди низкого звания, двое простых портных, которые даже не умеют владеть мечом и вынуждены решать спор с помощью оружия столь же низкого, как и они сами. А биться им предстоит на смерть, поскольку в те времена твердо верили, что сам Господь в таких случаях вмешивается в исход поединка и невиновному погибнуть не даст. И снова рассказ ведет старый Оливье.

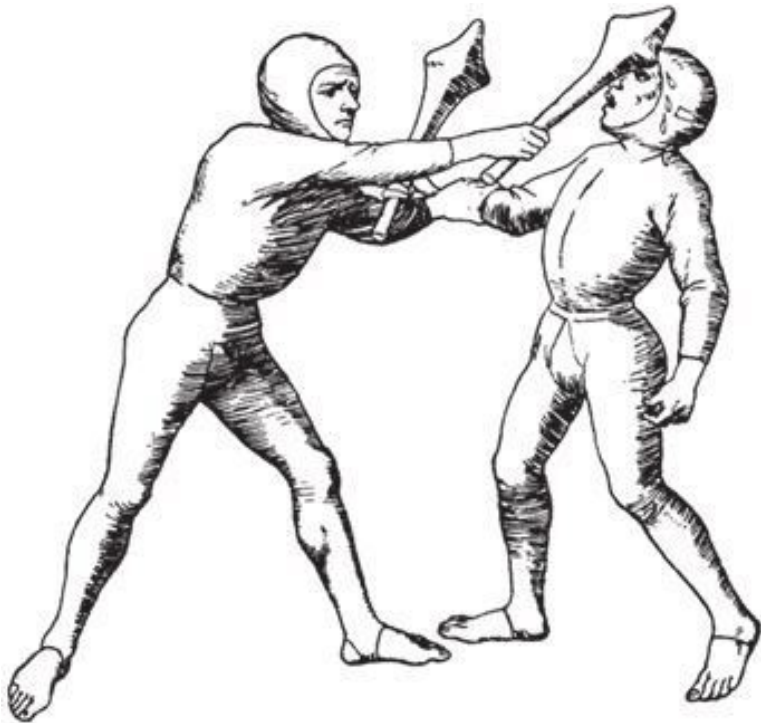
Среди всех «свобод», коими награждали достойных бюргеров Валансьена императоры и графы Эно, было одно до-

статочно примечательное право. Любой из горожан, будь то благородный муж или простолюдин, кому не посчастливилось ненароком убить кого-нибудь при самообороне, мог добиться отказа от преследования со стороны суда, заявив, что то был честный бой, и выказав готовность подтвердить свою правоту в судебном поединке. После такого заявления суд обязан был прекратить дело, и никто больше не имел иного права преследовать обвиняемого, кроме как приняв вызов на бой. Оружие для подобного боя тоже предписывалось весьма любопытное – деревянная дубинка и деревянный же щит, формой напоминающий щит крестоносцев, то есть почти треугольной формы. Такое вооружение предписывалось всем, вне зависимости от знатности и статуса; единственной привилегией благородных господ было право надевать щит на руку острым концом вниз, в то время как простолюдинам следовало надевать его острым концом вверх.

Мы снова находимся в присутствии августейшего герцога Филиппа, который собрался навестить свои фламандские владения, где его преданные валансьенские подданные приготовили для него настолько редкий сюрприз, что даже столь могущественный князь такого наверняка еще не видел.

Случилось так, что некий портной по имени Мао поссорился с одним парнем, чье имя до нас не дошло. От слов быстро перешли к драке, в которой Мао убил своего противника. Ссора происходила без свидетелей, победитель изложил свою версию произошедшего, и все бы сошло ему с рук,

но тут за дело взялся родственник погибшего, злопамятный Жакотан Плувье. Он и распустил слух, что то была не честная драка, а злодейское убийство. В конце концов Плувье добился судебного разбирательства, официально обвинив Мао в убийстве и заявив о своей готовности отстаивать собственную правоту в судебном поединке с дубинкой и щитом. И истец, и ответчик были тут же арестованы. Содержали их, естественно, отдельно друг от друга, тщательно охраняли и хорошо кормили, чтобы в предстоящей битве они были в состоянии показать собравшейся толпе достойное зрелище.

Одежда и оружие простолюдинов на судебном поединке

И день настал. Добрый герцог Филипп, вместе со своим сыном графом де Шароле, присутствует здесь, но он, хоть и сюзерен, не судья сегодняшнему поединку. Эта обязанность по древней хартии возлагается на первых людей города – мессира Гиля де Арши, лорда Бейлиньер, провоста, и месье дю Жардана, мэра города, на которых возложены также и все

обязанности по проведению этого необычного зрелища.

На рыночной площади возведена арена, толпа охочих зевак собралась немалая, так что Николя дю Жардану, командующему стражей, нелегко поддерживать порядок. В случаях таких серьезных боев, как сегодня, зрителям запрещается подавать знаки или сигналы, которые могут оказаться адресованными одному из бойцов, так что никому на площади нельзя ни слова сказать, ни кашлянуть, ни чихнуть под угрозой строгого наказания. Когда же достойный Николя видит, что кто-то вот-вот преступит запрет, он уже тут как тут со своим огромным жезлом и кричит: «Блюсти тишину!» Любителей пошуметь быстро успокаивает этот окрик, а нужда в этом немалая, ведь собравшиеся все сплошь на стороне своего земляка Мао.

Арена имеет необычный вид. Она не квадратная, как обычно, а круглая, и вход на нее только один. На арене стоят лицом к лицу два стула, покрытые черной тканью. На один из них садится вошедший первым Мао, а за ним сразу же входит и Жакотан Плувье.

Вид обоих бойцов тоже необычен. Головы их обриты, ноги – босы, ногти как на руках, так и на ногах аккуратно подстрижены, а костюм обоих составляет одеяние из дубленой кожи, столь тесно обтягивающей тело, руки и ноги, что создается впечатление, что его на наших героев не надевали, а прямо на них же и сшивали. Вот появились и слуги закона в сопровождении священника, в руках его большой молитвен-

ник, на котором он заставляет обоих поклясться в справедливости своих заверений: сначала Мао клянется, что убил своего соперника в честном бою, а затем Жакотан клянется полностью в противоположном. Обоим приносят щиты, которые они надевают острой частью вверх; поле щитов выкрашено в красный цвет, и на них изображен крест святого Георгия. Бойцы получают дубинки из прочного дерева – обе абсолютно одинакового веса и размера. Теперь бойцы требуют принести им три положенные вещи: сало, золу и сахар. Вносят две большие корзины, полные топленого сала, которым бойцы обмазывают свои обтягивающие кожаные одеяния. Затем приносят две корзины золы, с помощью которой оба очищают от сала руки, чтобы не выskalывали дубинки и щиты. И последнее – каждому вкладывают в рот кусок сахара, чтобы не так хотелось пить.

Стулья унесены, представители закона покидают арену, на которой остаются только два бойца лицом к лицу, и мэр, встав со своего сиденья, восклицает: «Пусть же каждый исполнит свой долг!» Бой начинается, сражающиеся набрасываются друг на друга. Мао, видя, что размером и весом он несколько уступает противнику, пускается на хитрость. Он набирает пригоршню песка, которым усыпан пол арены, швыряет Плувье в лицо и сразу же после этого ударяет того дубинкой по лбу, отчего по лицу Жакотана течет кровь. Однако в целом это лишь разъяряет сильного и крепкого Плувье, и он в таком бешенстве набрасывается на соперника, что

тот вскоре падает наземь, а Жакотан прыгает на него, вырывает ему глаза, добивает сокрушительным ударом по голове и в завершение поднимает тело Мао на руки и перебрасывает через ограждение под ноги палачу, который живо вздергивает тело на виселицу, заранее приготовленную для побежденного.

Вюльсон де ла Коломбьер пишет, что в Европе и Франции на судебных поединках подобного рода вооружение простолудинов ограничивалось одними дубинками, поскольку щит, элемент доспехов, несущий на себе геральдическую запись владельца, считался вдвойне благородным атрибутом, который не пристало марать рукам плебеев. При Эдуарде III такого рода бой состоялся между Амоном ле Старе и Вальтером Блоуберном, вполне заурядными персонажами, ворами, не поделившими добычу. Сохранился рисунок, изображающий этот бой; копия этого рисунка украшает фронтиспис «Призывов короны» Зельденского общества. Изображенные на рисунке бойцы вооружены особого вида дубинками, щитов у них нет. Что касается исхода боя, то Амон был повержен и тут же повешен.

Подобную сцену описывает и Шекспир во второй части «Генриха VI» (акт II). Хеллиуэлл пишет, что сцена эта основана на реальных событиях, что прототипами действующих лиц были оружейник Уильям Катур и его подмастерье Джон Дейви и что арена для этого боя была подготовлена должным образом, обойдась казне в 10 фунтов 8 шиллингов 9 пенсов,

что в те времена было немалым. Шекспир переименовывает оружейника в Хорнера, а его подмастерье – в Питера Туза и переносит место действия в зал правосудия, заменив оружие сражающихся на палки с привязанными к ним мешками с песком. Думается, что это было сделано исключительно в интересах удобства сценической постановки, ибо менее всего вероятно было бы, чтобы такое событие происходило в замковом зале – арены всегда строились на открытом пространстве, – а замена тяжелой дубинки на мешок с песком должна была послужить снижению риска травм для актеров. В пьесе сражение обретает комические черты, поскольку поклонники оружейника настолько напоили его хересом, лиссабонским крепким пивом, что тот стал уже практически недееспособен, и после недолгой драки, в ходе которой выпивоху шатает по всей арене, подмастерье наносит ему солидный удар, от которого тот падает наземь и признает свою вину. Конец Хорнера был типичен, поскольку бухгалтерские записи гласят: «...и заплачено за шест, гвозди и построение виселицы на Лондонском мосту...»

Речь короля в конце сцены хорошо передает, насколько глубоко была распространена вера в божественное вмешательство в поединок:

Убрать изменника от наших взоров!
Смерть показала нам его виновность,
И праведный Господь открыл пред нами,
Что прав и невиновен тот бедняга,

Которого хотел он умертвить¹³.

¹³ Цит. по: Шекспир У. Генрих VI. Ч. 2 / Пер. Е. Бируковой. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Искусство, 1958. Т. 1. (Примеч. пер.)

Глава 4

Как добрый рыцарь без страха и упрека бился на турнире Эстоком против испанца Сотомайора и поразил его

Байярд! Какие благородные ассоциации вызывает это имя! Это вечный герой, славный и своей храбростью в бою, и учтивостью в лагере и в замке, и набожностью, и щедростью, и патриотизмом. Если хотите, чтобы мальчик вырос истинным рыцарем, потребуйте от него клятвы «быть, как Байярд» – и больше ничего от него требовать не придется.

Заря XVI века. Самый романтический период в истории холодного оружия – от атрибута закованных с ног до головы в броню рыцарей до смертоносных рапир разодетых в шелка миньонов.

В 1503 году французский король Людовик XII ведет войну с испанским на тот момент правителем Неаполя, и добрый Рыцарь без страха и упрека – один из самых верных его помощников. В его распоряжении – крепость Монервино, откуда наш герой в один прекрасный день принимает решение сделать вылазку, во время которой наголову разбивает встретившийся ему отряд испанцев, не потеряв при этом ни

одного из своих людей. Правда, человек пять-шесть из его отряда ранены да пара лошадей погибла, зато в итоге всей операции он захватил несколько пленников, в том числе – самого испанского командующего, дона Алонсо де Сотомайора. По пути домой Рыцарь узнает о благородном происхождении своего пленника и по возвращении поселяет того в одну из лучших комнат в замке, да вдобавок еще и предоставляет ему достойную одежду из собственного гардероба, со следующими словами:

– Милорд Алонсо! Пленные сообщили мне о вашем происхождении из знаменитого рода, а кроме того, – что еще более возвышает вас в моих глазах – вы известны своим мастерством в обращении с оружием. Поэтому я не буду обращаться с вами как с пленником, если вы поклянетесь мне не покидать замка без моего на то разрешения. В его пределах вы будете наслаждаться полной свободой. Замок просторен, и вы сможете развлекаться здесь, как только пожелаете, а мы с моими рыцарями будем только рады вашей компании, до тех пор пока вы не договоритесь о том, чтобы вас выкупили – поверьте, я не буду выдвигать обременительных требований.

Сотомайор ответил:

– Благодарю вас за учтивость и клянусь честью, что не покину этого замка, не получив от вас позволения.

Однако слова своего он не сдержал и, как мы увидим, впоследствии дорого поплатился за обман.

Испанский дворянин вот уже дней пятнадцать – двадцать

живет в Монервино в ожидании, пока за него внесут выкуп в тысячу крон; обращаются с ним и его товарищами весьма гостеприимно, и бродит он по всему замку безо всякого намека на контроль. Однажды он заговорил с одним албанцем – жадным малым, падким на искушения:

– Послушай, Теоде, окажи мне одну услугу, и я обещаю тебе, что до конца дней моих ты не будешь ни в чем нуждаться. Пребывание здесь вводит меня в тоску, тем более глубокую, что я не получаю известий от своих; если бы ты смог привести мне завтра с утра лошадь, я бы легко сбежал отсюда и часа через четыре был бы уже со своими друзьями. Я возьму тебя с собой, подберу тебе достойное занятие, да к тому же отсыплю тебе пятьдесят золотых дукатов.

Как бы жаден ни был Теоде, просто так он согласиться не может.

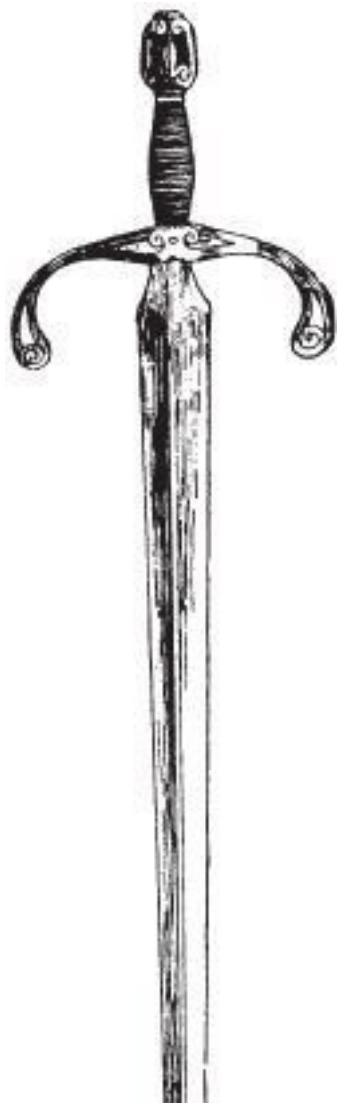
– Я слышал, что вы дали клятву нашему господину, и, если вы так поступите, он разгневается на вас; а с нашим господином лучше не шутить!

На это дон Алонсо ответил:

– Я не нарушу клятвы: я договорился, что меня выкупят за тысячу дукатов, и я тотчас же доставлю эти деньги твоему господину.

– Что ж, – обрадовался негодяй, – хорошо, тогда завтра на рассвете я буду ждать у ворот замка с двумя конями; как только ворота откроют, вы выйдете как будто прогуляться, там и сядете на коня и ускачете прочь.

Спевшаяся парочка осуществляет свой план, как и было задумано, но вот добрый Рыцарь, которого не назовешь за-соне́й, с утра пораньше спускается во двор крепости и ищет дона Алонсо, но никто его не видел, только привратник возле ворот, да и то было еще на рассвете. Объявляют тревогу, бьют в колокол, начинаются поиски по всему замку, но нигде так и не находят ни Сотомайора, ни Теоде-албанца. Разгневанный Байярд обращается к одному из своих людей, ла Баску:

Эсток

– Сейчас же собирайся, возьми с собой еще девять человек, скачите по дороге в Андрию и, если найдете нашего пленника, верните его живым или мертвым; если поймаете паршивого албанца, тащите и его, чтобы вздернуть на крепостной стене в назидание другим.

У дона Алонсо между тем случилась неприятность: подруга его седла лопнула, и ему приходится спешиться и заняться починкой. Тут и появляются ла Баск и его весельчаки; предатель Теоде, прекрасно понимая, что попадись он, то и с жизнью можно расстаться, прищпоривает коня и уносится в сторону Андрии, до которой остается всего пара миль. Испанец тоже пытается удрать верхом, но падает вместе с седлом, и его захватывают, сажают на коня и возвращают в Монервино, где он предстает перед добрым Рыцарем, и тот говорит:

– Ну что же, милорд Алонсо? Вы честью поклялись мне, что не покинете замка без моего на то позволения, и вот как вы держите свое обещание? Благородные люди не ведут себя таким образом, и я больше не могу вам доверять.

Дон Алонсо пытается объяснить, что он не хотел ничего дурного, что он прислал бы выкуп в течение самое большее двух дней, а бежал лишь оттого, что слишком долго не получал известий от своих. Эти жалкие попытки оправдаться приводят доброго Рыцаря в пущую ярость, и он приказыва-

ет запереть испанца в башне и держит его там две недели, правда, без кандалов или каких-либо еще дополнительных неудобств, предоставляя еду и питье, на какие грех жаловаться. К концу этого срока прибывает выкуп, и, к изумлению Сотомайора, добрый Рыцарь делит деньги между своими людьми, после чего отпускает пленника.

По возвращении в Андрию дон Алонсо ожидает великолепный прием со стороны собратьев по оружию, поскольку в испанской армии и вправду не было воина, которого ценили бы выше, чем его. Алонсо сильно переживает обстоятельства своего пленения, а друзья утешают его, как только могут, утверждая, что, в конце концов, все иногда побеждают, а иногда проигрывают и что стоит возблагодарить Провидение, поскольку он вернулся живым и здоровым. Героя дня спрашивают о добром Рыцаре – что это за человек? какой образ жизни ведет? как он обращался со своим пленником? Дон Алонсо отвечает:

– Клянусь честью, друзья мои, нет в мире более отважного рыцаря и более требовательного к себе человека, чем он. Все время, свободное от ратных дел, он проводит за молодецкими играми со своими воинами – борьбой, прыжками, метанием шеста и тому подобным. Что же до его щедрости, то и в этом никому его не превзойти, ибо, когда прибыл за меня выкуп, я собственными глазами видел, как он разделил все деньги между своими людьми, а себе не оставил ни кроны. Но вот что касается обращения со мной, то тут его люди

вели себя неподобающе, не знаю уж, по его приказу или по своей воле. Они были гораздо грубее, чем следовало бы, и этого я никогда не забуду и не прощу.

Одни из друзей дона Алонсо, зная добрую репутацию Байярда, удивляются такому рассказу, другие отмахиваются со словами «да ладно, кому нравится жить в плену», а третьи доходят в своих рассуждениях до того, что Алонсо небось сам виноват в таком отношении к себе; в общем, в гарнизоне Андрии теперь появилась благодатная тема для разговоров, и имя доброго Рыцаря нередко упоминается не в лучшем контексте, о чем ему самому и докладывает воин, вернувшийся из плена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.